

¹⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. С. 22–25; Макиевский Г.М. Урбанизация Восточной Сибири в период упрочения и развития социализма (1946–1960) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 82 и др.

²⁰ Посчитано по: Российский стат. ежегод. / Госкомстат России. М., 2001. С. 85–86.

²¹ Посчитано по: Регионы России: стат. сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001. С. 35; М., 2006. С. 36–43, 70–71.

²² Население Иркутской области в 2001 году: стат. сб. Иркутск, 2001. С. 34; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 28; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 14; Российский статистический ежегодник: стат. сб. М., 1998; 2001. С. 100–102, 104, 85–86; Иркутская область: Административно-территориальное деление и численность населения области: По полу и возрасту. стат. сб. Иркутск, 2006. С. 10.

²³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Т. 1. М., 1972. С. 7; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2005: стат. сб. М., 2006. С. 36.

В.Н. КАЗАРИН

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНИРОВАНИЯ СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «СЕВЕРНАЯ АЗИЯ»

Весной 1924 г. по инициативе общественных и научных работников было образовано Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. Его создали ученые и публицисты, чья творческая и исследовательская деятельность в прошлом и настоящем в той или иной мере была связана с этой громадной территорией нашей страны. Участники собрания избрали Временное правление Общества, председателем которого стал известный общественный деятель и публицист В.Д. Виленский-Сибиряков. Членами правления были избраны: авторитетный исследователь Азиатской России, ученый-геолог, профессор, впоследствии академик Владимир Афанасьевич Обручев, профессора Павлов, Корнилов, а также В.М. Бронер и Е.Б. Бронер. Секретарем правления стал Н.И. Толоконский, а ученым секретарем Е.Э. Лейтнеккер.

В феврале 1925 г. члены общества избрали постоянный Совет, который также возглавил В.Д. Виленский-Сибиряков. Его заместителями стали Ф.Н. Петров и В.М. Бронер; обязанности ученого секретаря по-прежнему исполнял Е.Э. Лейтнеккер. Значительно расширился состав Общества. В него вошли общественные деятели, ученые и публицисты, имена многих из которых встречаются в современных научных изданиях, на некоторые их публикации ссылаются и сегодняшние исследователи. В Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока вошли: И.А. Богатец, В.Г. Тан-

Богораз, В.М. Бронер, Е.Б. Бронер, С.А. Бутурлин, И.А. Валединский, В.Д. Виленский-Сибиряков, Н.В. Здобнов, Б.М. Житков, А.Н. Колесников, Н.М. Кулагин, Б.А. Куфтин, Е.Э. Лейтнеккер, П.П. Маслов, М.Н. Минский, В.В. Никифоров, В.А. Обручев, Ф.Н. Петров, А.П. Пинкевич, В.Л. Попов, Н.М. Попов-Татива, А.И. Розинов, Н.И. Толоконский, А.Е. Ходоров, И.А. Черемных, И.А. Чернов, Штернберг, Д.Н. Шапиро, А.А. Ярилов.

В 1920-е гг., как впрочем, и ранее и позднее, по общественной инициативе возникало немало различных научных обществ, некоторые из которых оставили наследие, не утратившее интерес и для потомков; многие же «канули в Лету». Судьбу этого Общества можно признать, несмотря на все объяснимые сложности, успешной с научной точки зрения. И во многом потому, что Общество с 1925 по 1930 гг. издавало общественно-научный журнал «Северная Азия». Журнал столичный, выходил в Москве. Характерная его особенность заключалась в том, что в нем публиковались научные статьи, полемические материалы, документы, рецензии, путевые заметки, освещавшие различные проблемы экономики, истории, этнологии, археологии, лингвистики и других отраслей знания, посвященные северной Азии. Под северной Азией авторы понимали обширную территорию, в которую входила часть Урала, Сибирь, российский Дальний Восток, а также дореволюционный Туркестанский край. В связи с реализацией национальной политики в Советском Союзе, образованием новых союзных и автономных республик, административно-экономическими преобразованиями прежние названия претерпевали значительные изменения и поэтому со сдвоенного третьего-четвертого номера за 1930 г. журнал стал именоваться «Советская Азия». Редакционная коллегия объяснила, что за пятилетнее существование журнал «Северная Азия» сыграл свою роль в изучении Урала, Сибири и Дальнего Востока в восстановительный период. А на реконструктивный период журнал ставил новые цели, а также высказал намерение всемерно содействовать решению более широких задач, направленных к быстрейшему развертыванию социалистического строительства. Издателем журнала стало Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока при участии представительств: Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР, Бурят-Монгольской, Якутской, Киргизской и Казахской АССР, Уралоблисполкома, Сибкрайисполкома и Далькрайисполкома. Кстати отметим, что Казахстан, Казахская АССР/ССР в тот период так и писали, через букву «к».

Менялся и состав редакционной коллегии. Первые годы ответственным редактором журнала был В.Д. Виленский-Сибиряков. В состав редколлегии входили: бывший деятель революционного движения в России Феликс Кон, профессор В.А. Обручев, С.А. Бутурлин, А.А. Ярилов, один из видных ученых-экономистов, в прошлом оппонент В.И. Ульянова-Ленина Петр Павлович Маслов, И.А. Черемных и др. Затем в состав редколлегии входили, кроме отмеченных выше, В.Г. Тан-Богораз, В.И. Николаев, А.Н. Черкунов. Книга пятая-шестая за 1927 г. была издана обновленной

редакцией: ответственным редактором стал профессор В.А. Обручев. В.Д. Виленский-Сибиряков стал членом редколлегии, в которую, помимо указанных выше, вошел также Н.В. Здобнов. Книга первая за 1928 г. была подписана коротко: ответственный редактор Ф.Н. Петров, заместитель редактора П.А. Кобозев. Книга вторая за тот же год была издана уже обновленным составом: ответственный редактор Ф.Н. Петров, члены редколлегии профессора Б.Ф. Адлер, С.А. Бутурлин, П.П. Маслов, В.А. Обручев, а также Н.Н. Баранский, Н.В. Здобнов, П.А. Кобозев, Н.И. Леонов, А.В. Сегаль, А.Н. Черкунов. Многие из членов редколлегии являлись и активными авторами журнала.

В первых двух номерах 1925 г. журнал был обозначен как общественно-политический, издаваемый Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также Комитетом содействия народностям северных окраин при ВЦИК. Третий номер за тот же год был дополнен еще одним учредителем: Главное управление научными учреждениями (Главнаука), что отчетливо подтвердило его научный характер.

Целью настоящей публикации является рассмотрение проблем экономического и административного районирования Сибири, которые нашли на страницах общественно-научного журнала некоторое отражение. Актуальность этой темы обусловлена тем обстоятельством, что в 1920-е г. в Союзе ССР активно обсуждались вопросы районирования страны и административно-территориального устройства отдельных территорий, в том числе и в Сибири, а также была осуществлена реформа, по существу окончившая с прежним административно-территориальным делением Российской империи. Насколько выверенными и оптимальными были проведенные мероприятия, как к ним отнеслась научная общественность не понаслышке, а реально знавшая Сибирь и ее проблемы? Эти вопросы не утратили своего значения. Более того, приобрели новое звучание в контексте проводимых в настоящее время административно-территориальных преобразований, заметим, что немаловажно, в восточных районах страны. Именно Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ, Камчатская область и Корякский автономный округ, Красноярский край и Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономные округа, Иркутская область и Усть-Ордынский автономный округ, то есть расположенные именно на Урале, Сибири и Дальнем Востоке, а, к примеру, не в Поволжье и на Северном Кавказе стали первыми в процессе объединения субъектов Российской Федерации. С точки зрения проведенной в 1920-е гг. административно-территориальной реформы и последующей практики, а также объективно губительного по своим последствиям для страны «парада суверенитетов» рубежа 1980–1990-х гг. следует извлечь определенные уроки и сделать выводы.

1920-е гг. — период открытых общественно-научных дискуссий. Было высказано немало здравых и интересных мыслей, заслуживающих внимания, но также и тех, которые не оправдались впоследствии и которые не следует повторять и тем более стремиться к их воплощению. В дальней-

шем, в 1930-е гг. проводились административно-территориальные преобразования, но без предшествующих дискуссий или последующих обсуждений. Проводились строго директивным методом, центральными органами власти и исходили из решений определенного круга властной элиты.

Содержание современных понятий «Сибирь», «Дальний Восток», «Средняя Азия» и др. существенно отличаются от тех же понятий, употребляемых в императорской России. Поэтому, прежде всего, рассмотрим, как изменялось их содержание в 1920-е гг. Тем более, что эти вопросы нашли некоторое отражение на страницах журнала. Без уяснения этого вопроса невозможно ответить на вопрос, а что же и как следовало районировать.

В первом номере вышедшего журнала «Северная Азия» член Общества, один из постоянных авторов, известный сибирский библиофил Н.В. Здобнов предложил по существу устоявшееся прежнее понимание Сибири: это собственно Сибирь, Дальний Восток и Киргизский край¹. В.Д. Виленский-Сибиряков, напротив, Сибирь, Дальний Восток и Урал, эти «три крупнейших области», занимавшие в общей сложности 13 млн верст², объединил общим термином «Северная Азия». По его данным, там проживало 14 440 тыс. чел. Общим для этой территории, по его мнению, являлось «изобилие естественных богатств» при современном примитивном состоянии экономики. Центральными проблемами для Северной Азии он считал будущее развитие промышленности и путей сообщения². Другой автор журнала, И.А. Черемных, четко разделял Северную Азию на Уральскую область, Сибирь, Дальний Восток и Киргизскую автономную ССР. В отличие от Н. Здобнова, он понимал под Сибирью гораздо меньшую территорию, хотя и самую большую (9567,5 тыс. км² из общей площади 15,1 млн км²), но, только как часть, входящую в северную Азию³. Как видим, уже в первом номере журнала обнаружилось различные подходы к понятийному аппарату.

Существенные изменения в понятие «Сибирь» произошли после принятия постановления Президиума ВЦИК (май 1925 г.) об образовании Сибирского края. В Сибирский край с центром в Новониколаевске (Новосибирске) вошли Омская, Новониколаевская (Новосибирская), Алтайская, Томская, Енисейская губернии и автономная область Ойратия. Кроме того, в Сибирский край были включены из Уральской области бассейн р. Ваха, Александровский район Тобольского округа, некоторые сельсоветы Ишимского округа. Иркутская губерния подчинялась краевым органам Сибирского края, но сохранялась впредь до решения вопроса о районировании Дальнего Востока и создания Лено-Байкальской области.

Весь Сибирский край разбивался на 16 округов: Тарский, Омский, Славгородский, Барабинский, Новониколаевский, Каменский, Барнаульский, Бийский, Томский, Кузнецкий, Ачинский, Красноярский, Минусинский, Канский, Хакасский, Рубцовский. Ойратская автономная область входила к Сибирский край в качестве самостоятельной административно-хозяйс-

твенной единицы с оставлением неприкосновенными прав, предоставляемых ей постановлениями об ее образовании и последующими законоположениями, в ее нынешних границах в составе 10 аймаков. В связи с образованием Сибирского края Сибревком было поручено в том же году закончить районирование Сибири и назначить сроки созыва районных и окружных съездов Советов⁴.

Совершенно очевидно, что определенные в постановлении территориальные границы оказались гораздо меньшими по сравнению с понимаемыми ранее географическими границами Сибири. С этого времени в официальных документах Сибирский край стал отождествляться с Сибирью. Почти одновременно была высказана мысль о том, что в связи с проведением сибирской административной реформы, требовалось уточнение понятия «Дальний Восток». В частности, В.Л. Попов отмечал, что это понятие в последнее время «рассматривается весьма различно как в административных границах, так и в литературе». Поэтому уточнение этого термина должно было иметь не только научное по и практическое значение⁵.

Такое понимание Сибири было привнесено и в научную литературу. Весьма показательна в этом отношении статья М.П. Красильникова, посвященная итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Автор прямо отметил, что послереволюционное районирование азиатской части Союза ССР, заключавшееся в выделении новых политических образований в виде двух союзных республик, пяти автономных республик и нескольких автономных национальных областей «внесло ясность и территориальную определенность в прежнее расплывчатое название «Сибирь». Последняя в форме Сибирского края стала определенной административно-территориальной единицей, образованной на принципе областно-окружного административного строительства, преследующего создания целостных в экономическом отношении территориальных единиц»⁶. Таким образом, общий подход в районировании, заключавшийся в создании экономически обоснованных крупных территориально-хозяйственных единиц, был воспринят научной мыслью и получал свое теоретическое обоснование.

Такое преимущественно экономическое понимание Сибири, в отличие от дореволюционного географического или даже первых послереволюционных лет получало свое дальнейшее развитие. С переходом к осуществлению первых пятилетних планов в обиход вошло понятие «восточные районы». Под этим термином понималась обширная территория, включающая в себя географические области: Урал и Сибирь до Тихого океана. В административном отношении сюда относились Урал, Сибирский край, Дальневосточный край и три республики — Казахстан, Якутия и Бурят-Монголия.

После проведения административных преобразований и осуществления экономической политики «сдвига на восток» понятие «северная Азия» стало употребляться все реже и реже. Термин же «восточные районы» приобрел не свое изначальное географическое значение, а приобрел

преимущественно экономико-географическое содержание. Что же объединяло эти районы? Географический фактор, континентальный климат, удаленность от теплых морей, незамерзающих портов, от сложившихся мировых рынков. Налицо влияние природно-географических факторов на характер и состояние экономического развития региона. В.Л. Попов, один из авторов журнала, отнес к характерным чертам «восточных районов» такие общие экономические черты, «требующие особого внимания и подхода при планировании хозяйства в обширной территории географического Урала и Сибири»⁷.

В 1920-е гг. одно из центральных мест в партийно-государственных и плановых органах Союза ССР и РСФСР занимали вопросы районирования. Нашли они широкое освещение и в средствах информации. Особенно это касалось районирования азиатской части страны. При этом наиболее активной явилась дискуссия о создании Лено-Байкальской области (края). В сибирских изданиях по этой теме с развернутыми положениями высказались профессора Иркутского университета Н.Н. Козьмин, К.Н. Миротворцев и Б.Д. Сперанский. Наиболее решительно был настроен Н.Н. Козьмин. Он категорически утверждал, что «схема областного районирования Восточной Сибири не имеет под собой оснований и случайна», а «Ленско-Байкальская область не имеет ни хозяйственного, ни географического базиса». Им было выдвинуто несколько доводов против вхождения Бурят-Монгольской автономной республики в состав проектируемой Лено-Байкальской области. При этом Козьмин считал, что Бурят-Монголия вполне самодостаточна для самостоятельного развития и опасался, что она может раствориться в едином экономически территориальном организме, каким мыслилась Лено-Байкальская область⁸.

Напротив, ученый-экономист и статистик Иркутского университета К.Н. Миротворцев считал проект Госплана о разделении Сибири на 6 областей «в общем правильным, за исключением тех или иных исправлений в границах». Профессор понимал, что самым сложным будет вопрос об объединении с Бурят-Монгольской автономной республикой. Однако с точки зрения, как политической, так и экономической никаких препятствий, по его мнению, не было. Таким образом, организация такой области могла быть вполне целесообразной, если исключить национально-политические соображения⁹.

Профессор-юрист Иркутского университета Б.Д. Сперанский подробно разобрал все положения Н.Н. Козьмина с правовой точки зрения, показав неубедительность всех доводов своего коллеги и показав необоснованность его тревоги относительно возможного «растворения» БМ АССР в будущей области. Б.Д. Сперанский предложил вполне конкретный вариант решения вопроса с минимальными потерями для сторон¹⁰. Нет необходимости подробно разбирать доводы каждой из сторон, поскольку анализ дискуссии тех лет уже был предметом изучения автора настоящей публикации¹¹.

Журнал «Северная Азия» не смог принять участия в этой дискуссии, поскольку стал выходить тогда, когда административная реформа в Сибири была уже проведена. Однако отклики на реформу последовали. Среди откликов привлекает внимание статья В. Виленского-Сибирякова в третьем номере журнала за 1925 г. Автор отметил, что проведенное реформирование является очень важным решением, но еще далеко не полным. Прежнее губернское деление он признал архаичным и не отвечающим ни теоретическим соображениям, ни практическим нуждам развития огромной страны.

Автор коснулся и наиболее сложного и окончательно не разрешенного вопроса, а именно проекта создания Лено-Байкальской области. Лено-Байкальская область должна была состоять из Иркутской губернии, Забайкальской губернии и Бурят-Монгольской АССР.

Дальневосточники стояли за включение Забайкалья в состав Дальневосточного края. Один из видных авторов того периода, Н.Б. Архипов, признавал в 1926 г., т.е. тогда, когда вопрос о создании Лено-Байкальской области был решен отрицательно, что были веские доводы за включение Забайкальской губернии в состав ЛБО. Он выделил такие доводы: по давности колонизации и по составу населения Забайкальская губерния гораздо ближе к ее западным соседям, то есть к Иркутской губернии и Бурят-Монгольской автономной республике, чем к восточным губерниям Дальневосточной области. К тому же характер хозяйства (скотоводство, преобладание в ее посевной площади ржи и др.) также роднили эту губернию с западными соседями.

Но он же высказал и, с его точки зрения, не менее веские доводы за сохранение Забайкальской губернии в составе Дальневосточной области. Доводы такие: расположение в пределах одного водного бассейна, общность исторических судеб за последнее время (имеется в виду единая территория Дальневосточной республики до воссоединения ее с РСФСР в 1922 г. — *В.К.*), наладившиеся экономические связи и т.д.¹² Чуть позднее, а именно в 1929 г. Н.Б. Архипов привел по существу те же самые соображения, которые он сам вновь назвал вескими¹³.

В.Д. Виленский-Сибиряков обратил внимание на возражения Дальневосточной области, претендовавшей на включение восточных территорий предполагаемой области в свой состав, а также на более серьезные возражения Бурят-Монгольской автономной республики. Свою позицию автор выразил вполне определенно: «эти притязания являются мало обоснованными». Более того, ответственный редактор журнала «Северная Азия» считал, что не только политические, но и хозяйственно-административные потребности «такой огромной окраины как Восточная Сибирь» настоятельно диктовали необходимость образования такой административно-хозяйственной единицы как Лено-Байкальская область. Необходимо отметить, что стройной системы аргументации в пользу создания ЛБО, в отличие от К.Н. Миротворцева и Б.Д. Сперанского, автор не привел, ограничившись

лишь упоминанием того, что этот район территориально оторван от Дальнего Востока и вряд ли может быть «крепко административно увязан с последним». Правда, он пообещал, что к этому вопросу, то есть об образовании Лено-Байкальской области, мы будем еще возвращаться¹⁴.

И действительно, в первом номере журнала за 1926 г. появилась большая статья А.Н. Черкунова, посвященная районированию Средней Сибири, а точнее, проекту образования Лено-Байкальской области. В основу статьи был положен доклад, прочитанный сначала в Лено-Байкальской группе Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, а затем в соединенном заседании этой группы и экономической секции этого общества.

Основной принцип районирования — это создание экономически законченных областей. А.Н. Черкунов справедливо отметил, что если в европейской России проведение этого принципа не вызывает больших затруднений, то в Сибири встречает большие препятствия. Препятствия эти известны: громадность территории, ничтожная плотность населения, отсутствие путей сообщения, отсутствие рынков для сбыта продукции промышленности. Первоначально на территории Сибири, понимаемой в дореволюционном смысле, предполагалось создать 9 областей: Туркестанскую, Западно-Киргизскую, Восточно-Киргизскую, Обскую или Западно-Сибирскую, Кузнецко-Алтайскую, Енисейскую, Лено-Байкальскую, Якутскую и Дальневосточную.

Но в дальнейшем проект Госплана существенно изменился. Вместо этих областей были образованы союзные и автономные республики, а также создан Сибирский край (вместо планируемых Обской, Кузнецко-Алтайской и Енисейской губерний). Таким образом, получилось так, что все планируемые области в той или иной форме были созданы, а вопрос о создании Лено-Байкальской области, условно говоря, «завис».

Вот как раз возможности его решения в ближайшем будущем и посвятил свою статью А.Н. Черкунов. При этом автор сделал важное уточнение. Дело в том, что существовало два проекта Лено-Байкальской области. Один, проект Госплана, заключался в создании области в составе Иркутской и Забайкальской губерний, а также Бурят-Монгольской автономной республики. Проект же Иркутской губернской плановой комиссии включал, помимо указанных территорий, еще и включение Канского уезда Енисейской губернии, на западе примыкающего к Иркутской губернии.

А.Н. Черкунов считал, что «наиболее жизнеспособным и наиболее соответствующим основным экономическим предпосылкам Лено-Байкальской области является проект Иркутской губернской плановой комиссии». Какие же аргументы в пользу этого проекта были приведены?

Таковых было три. Первый. Единство естественноисторических условий (орография, климат, почва, орошение). Особенно это очевидно, если сравнить с такими же условиями Сибирского края и Дальневосточной области. Разумеется, не могло быть полной аналогии в тем-

пературе, осадках, формах рельефа на территории 1700 тыс. км², но такого не могло быть ни в одной из уже организованных областей. Второй. Специализация Лено-Байкальской области в горнодобывающей промышленности. Именно развитие этой отрасли (уголь, золото, соль, вольфрам, слюда, цветные камни) А.Н. Черкунов считал будущим этого края. Третий. Срединное положение между двумя достаточно мощными областями: Сибирским краем и Дальневосточной областью.

Далее автор высказал очень позитивную мысль, к которой, однако, в дальнейшем не прислушались. Вариант деления Лено-Байкальской области по частям, то есть, по сути, оставление того, что уже существовало, и присоединение Иркутской губернии к Сибирскому краю, а Забайкальской губернии к Дальневосточному краю и оставление Бурят-Монгольской АССР, по мнению автора, не соответствовал фактической экономической конъюнктуре.

Ни Иркутская губерния, ни Забайкальская губерния никогда не тяготеги соответственно ни к Сибирскому, ни к Дальневосточному краям, ни экономически, ни административно. А насильственное их присоединение обезличит эти районы, и в то же время не обогатит ни Сибирский, ни Дальневосточный край¹⁵.

Еще один важный аспект проблемы, рассмотренной автором, не потерял своей актуальности и поныне. Это вопрос о судьбе Иркутска. Какой город должен стать центром будущей области? Автор считал вполне естественным, что естественно-географическим центром будущей области должен стать Иркутск. Иркутск являлся и культурным центром при наличии университета и культурно-общественных традиций. Иркутск являлся узловым торгово-посредническим центром между Западом, Востоком и Монголией. Иркутск занимает срединное положение между Челябинском (3401 км) и Владивостоком (3048 км). Новосибирск же, центр Сибирского края, утверждал автор статьи, еще на многие десятилетия не сможет заменить Иркутск. А сведение Иркутска на положение окружного центра надолго замедлит его развитие.

Коснулся А.Н. Черкунов и экономических аспектов создания Лено-Байкальской области. Будучи созданной, область по площади была бы чуть меньше Германии, Франции, Италии без колоний и Испании, вместе взятых в границах середины 1920-х гг. Однако по населению она бы уступала этим странам примерно в 80 раз.

По плану Иркутской губернской комиссии территория между составляющими была бы распределена следующим образом: Иркутская губерния — 48,3%, Бурят-Монгольская АССР — 22,1%, Забайкальская губерния — 17%, Канский уезд — 12,6%. Процентное соотношение по населению выглядело бы так: Иркутская губерния 33,3%, Забайкальская губерния — 27,9%, БМ АССР — 22,4%, Канский уезд (округ) 16,4%. Таким образом, локомотивом будущей области по этим важнейшим показателям стала бы Иркутская губерния.

Ученый привел подробные данные, характеризующие состояние и перспективы развития золотодобывающей, каменноугольной, соледобывающей, кожевенной, лесообрабатывающей, пищевой отраслей промышленности, а также развития земледелия и скотоводства. Не загружая читателя обширной статистикой, приведенной автором, отметим, что его вывод относительно предполагаемой области был оптимистичен. Чрезвычайно важны данные и об ориентируемом бюджете области, исходя из данных 1924/1925 хозяйственного года. Доходная часть бюджета распределялась следующим образом: 46% приходилось бы на Иркутскую губернию, 25% — на Забайкальскую губернию, 10% — на Канский округ, 19% — на Бурят-Монголию. А вот расходная часть бюджета выглядела бы иначе: 41% приходилась бы на Иркутскую губернию, 27% — на Бурят-Монголию, 24% — на Забайкальскую губернию, и 8% — на Канский округ¹⁶. Таким образом, область могла бы быть самодостаточным административно-хозяйственным образованием Сибири и Союза ССР в целом. Одновременно такие расчеты показывали неоправданность опасений относительно перспектив развития автономной республики и несостоятельность аргументации экономического порядка со стороны представителей автономии, особенно в категоричной форме высказанных в работах Н.Н. Козьмина.

В этом же номере журнала вопросу создания Лено-Байкальской области (края) была посвящена еще одна статья известного в будущем экономиста Н.Н. Колосовского. В основу статьи были положены основные положения доклада автора, высказанные на заседании экономической секции 26 ноября 1925 г. Статья также носила полемический характер. Правда, Н. Колосовский больше употреблял термины «Ленско-Байкальское краевое образование» и «Ленско-Байкальский район». Поскольку принципиальной разницы между этими терминами не было, мы будем употреблять устоявшийся на тот период термин «Лено-Байкальская область» (ЛБО).

Основная мысль автора заключалась в том, принципиально идее Лено-Байкальской области в настоящее время «не противопоставлено серьезных возражений по существу». Н.Н. Колосовский выделил два смысловых блока рассматриваемых вопросов. Первый состоял из доводов в развитие самой идее образования области, а второй был посвящен разбору положений противников создания ЛБО.

Вначале Колосовский сравнил положение отдельных отраслей хозяйства в предполагаемой Лено-Байкальской области и на Дальнем Востоке. Оба эти района уступали Западной Сибири в перспективах развития зернового хозяйства, но имели хорошие возможности в развитии промышленности. ЛБО имела громадное преимущество в громадных запасах угля и гидроэлектрической энергии. Развивая обрабатывающую и энергетическую промышленность, область могла постепенно завоевать рынки Западносибирского, Якутского и Дальневосточного районов.

По мнению автора, наиболее радикальное мнение «рассосать» территорию Лено-Байкальскую области, присоединив Иркутскую губернию

к Западной Сибири (Сибирскому краю), а Забайкальскую губернию — к Дальнему Востоку, «неправильно». Почему? Н.Н. Колосовский высказал следующие соображения. Во-первых, в случае раздела Иркутска и Читы между Сибирским и Дальневосточными краями на громадном расстоянии «Новосибирск-Хабаровск» (4833 км) не будет ни одного административно-хозяйственного центра краевого (областного) значения. Это недопустимо по общегосударственным соображениям. Во-вторых, существующий хозяйственный разрыв между Забайкальем и Дальним Востоком не мог быть решен простым фактом включения Забайкальской губернии в Дальневосточную область (край). Нужны были не административные, а хозяйственные меры.

Вывод Н.Н. Колосовского сводился к тому, что противники создания Лено-Байкальской области «оказались не в силах дать концепцию производственной жизни срединной части Сибири, могущей противостоять теории Ленско-Байкальского района»¹⁷.

Проблема экономического районирования Сибири была продолжена в статье одного из постоянных авторов «Северной Азии» В.Л. Попова. Автор коротко остановился на том, что вопрос о районировании в стране разрабатывался практически с 1920 г. Комиссия ВЦИК предусматривала, что в основе районирования определяющим становился экономический фактор. Это должна быть часть территории страны с экономически законченной отраслью хозяйства, основанной на комбинации природных особенностей, культурных традиций, способности и подготовленности населения к производственной деятельности. Научные рекомендации сводились к планомерному строению народного хозяйства, основанного на специализации районов по основным признакам природных и социально-экономических признаков.

Несмотря на то, что районирование Сибири и Урала в 1925 г. было закончено, В.Л. Попов предложил свою схему экономического районирования. Он разделил Сибирь на северную и южную по климатическим признакам. Сибирский север хранил колоссальные запасы лесов, что открывало перспективы его экспорта. Развитие вывозных путей создавало возможности для выхода на мировые рынки. Исходя из этого, В.Л. Попов разделил северную Сибирь на два района: северо-восточный, тяготеющий к Тихому океану и северо-западный, тяготеющий к европейским рынкам. Южная Сибирь имела возможности для промышленного развития.

Таким образом, В.Л. Попов выделил следующие экономические районы: земледельческий, промышленный, центральную Сибирь и Дальний Восток. Земледельческий район включал в себя большинство населения Сибири, преимущественно сельского; но здесь было сосредоточено 75% всей сибирской посевной площади. Промышленный район имел только 10% сибирского населения, 9% посевной площади, но зато 67% запасов железной руды, 65% запасов каменных углей. Это, по мысли В.Л. Попова, Кузнецко-Минусинский район, имевший большие промышленные перспективы, но нуждавшийся в притоке населения. В центральной Си-

бири проживало 13% населения этого региона, здесь было всего 10% пашенной площади. Следовательно, район не имел земледельческих перспектив, но при наличии дешевой электроэнергии мог стать мощной базой развития химической, лесной, лесохимической и металлургической промышленности. Дальний Восток, слабозаселенный, имевший малые запасы железных руд и каменного угля, имел значительные перспективы для развития лесопромышленности¹⁸.

Общие подходы В.Л. Попова к экономическому районированию Сибири были продолжены и конкретизированы им в другой статье, вышедшей в 1928 г. в связи с обсуждением проектов индустриализации Сибири. В общей сложности было выдвинуто более 20 проектов транспортного строительства в Сибирском крае. Автор же справедливо считал, что «география будущей промышленности» Сибири будет там, где имеется энергия и сырье. Вообще, такое сочетание крайне редко, но Сибирь, писал В.Л. Попов «в этом отношении особенно счастлива».

Он выделил, основываясь на материалах своих предшествующих публикаций, следующие промышленные узлы. Первый: Минусинско-Кузнецкий. Второй: Байкальский. Третий: район Ангарских порогов. Четвертый: район Бийск — Барнаул.

Весьма интересный сюжет этой статьи В.Л. Попова: его отношение к проекту создания крупного промышленного центра в Новосибирске. Кстати, представители Новосибирска высказали тогда скептическое отношение к проекту Байкальского промышленного района. Сам же В.Л. Попов не скрывал своих сомнений относительно проекта создания в Новосибирске крупного промышленного центра. Он считал, что статус Новосибирска как столицы Сибирского края — «явление случайное и, можно думать, временное». Новосибирск не мог стать сибирской Москвой. Там не было ни сырья, ни энергетики, ни хлеба. Все это нужно было привозить в Новосибирск. Все планы по поддержке Новосибирска, по мнению Попова, лишь призваны «искусственно поддержать Новосибирск».

Автор полагал, что в дальнейшем произойдет новое районирование, будут созданы новые области. Предполагалось создание Обской, земледельческой области, с центром в Омске, а также промышленной области на востоке Сибири. Центром последней мог стать Иркутск или Кузнецк, более богатые ресурсами, чем Новосибирск. При таких перспективах у Новосибирска, по мысли В.Л. Попова, не было перспективы дальнейшего развития¹⁹. Как видим, для того периода, общие подходы ученого к проблеме районирования были вполне обоснованными и основывались на анализе реальных фактов. Но последующие события внесли серьезные изменения в эти планы. Создание промышленных узлов (районов) в Восточной Сибири стало интенсивно развиваться только в послевоенный период. Новосибирск, вопреки всем экономическим расчетам 1920-х гг., получил стремительное развитие, особенно после Великой Отечественной войны, и намного обогнал прежнего сибирского лидера — Иркутск,

который сдал позиции не только ему, но и некоторым другим сибирским городам в последние десятилетия XX—начале XXI в.

На страницах журнала находили отражение и взгляды на проблемы, высказанные авторами с регионов. В этом отношении интересна статья М.П. Соколова из Иркутска, напечатанная в конце 1928 г. К этому времени вопросы о создании Лено-Байкальского края (области) стали заметно стихать, поскольку Иркутская губерния вместо объединения с Забайкальской губернией и Бурят-Монгольской автономной республикой была разделена на округа.

М.П. Соколов недвусмысленно выступил против фактического включения бывшей Иркутской губернии в состав Сибирского края. Новосибирск, по его мнению, «только теряет от необходимости администрирования и осужденного на бессилие руководства своей восточной окраиной». Автор высказался за объединение трех округов (Иркутского, Киренского и Тулуновского) вновь в единую административную единицу. Двухлетний опыт показал, что можно ожидать авторитетной «поддержки в вопросе о выделении в совершенно самостоятельный административный и хозяйственный организм».

М.П. Соколов считал, что повторена ошибка, сравнимая с ошибкой царского правительства, захватившего в свое время Ляодунский полуостров, но при этом не обеспечившего прочной экономической базы в Средней Сибири. В итоге получилось, что огромное пространство от Енисея до Амура соединено только полоской Сибирской магистрали. Так было при царизме. Продолжением этой политики, считал М.П. Соколов, было «расформирование Средней Сибири» и разрыв ее на части, «фиктивно опекаемые отдаленнейшими от нее центрами — Новосибирском и Хабаровском».

Среднюю Сибирь автор оценивал как базу владения востоком и северо-востоком азиатской части СССР. Решение этой задачи имело не только экономическое, но и политическое значение. Автор, пожалуй, намеренно обострил проблему. Очевидно, желая привлечь внимание к перспективам экономического развития Средней Сибири, он утверждал, что дальнейшее игнорирование решения этой задачи «неизбежно повлечет отпадение Якутии, Дальнего Востока, Бурят-Монголии».

Автор расценивал Среднюю Сибирь как колонизационный район, имеющий большое значение для колонизации. На очереди дня стояло объединение Сибирской магистрали с Ленским бассейном. А для этого, помимо развития средств сообщения, необходимо было объединение трех округов²⁰.

Поскольку одним из издателей журнала долгое время был Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК, то совершенно оправданным был значительный объем публикаций, посвященных проблемам этнологии, антропологии малочисленных народностей Севера. Уже в первые годы Советской власти в северных районах стали создаваться так называемые туземные Советы и районные исполкомы. А на рубеже

1920-х–1930-х гг. во властных органах и на страницах печатных изданий обсуждали вопросы создания национальных округов на севере европейской и азиатской частей РСФСР.

Показательна в этом отношении статья В. Шипихина, опубликованная в 1929 г. Автор, отталкиваясь от признания Комитета содействия народам Севера при Президиуме ВЦИК необходимости создания в европейской части РСФСР самоедского округа, коснулся вопросов создания туземных округов на Дальнем Востоке и Витимо-Олекминского округа. Исходя из того, что тунгусское племя ороченов, занимавшееся охотой и оленеводством, насчитывавшее около 4 тыс. чел. (по приблизительным подсчетам) обитало на обширной территории северной Евразии, В Шипихин предложил для создания Витимо-Олекминского туземного округа забрать из Дальневосточного края 42 139 км² площади, от Якутии — 41 669 км², от Сибири 33 101 км², и от Бурят-Монгольской автономной республики 19 851 км². Таким образом, получался туземный округ общей площадью 136 760 км² на 4 тыс. населения. При этом автор высказал твердое убеждение, что «проведением новых административных границ будет организован крепкий и однообразный по населению тунгусский национальный округ». По его мнению, с созданием округа будет построено бездефицитное хозяйство, это «путь к оздоровлению туземцев».

Где же должен был располагаться окружной центр этого странного образования? Где найти его в тундре, в условиях постоянных перекочевок ороченов? В. Шипихин предложил оригинальный способ. Центр должен располагаться, по В. Шипихину, «у озера Амудиза, в 8–9 днях оленьего пути как от устья Калазона, так и от Тупика (т.е. около 300–350 км)». У того озера были великолепные олени корма, летом можно было содержать оленей. А как с созданием округа можно было оттуда управлять такой огромной территорией? Автор дал очень правильный ответ: туда надо провести грунтовую дорогу и место то радиофицировать.

Кроме того, В. Шипихин предложил создать еще национально-туземный самоедский округ в Северном крае, Зейско-Алданский округ в районе между Дальневосточным краем и Якутией, туземный округ на территории, тяготеющей к Охотскому морю, а также национально-туземный округ в бассейне р. Колымы. Этим самым, по его мнению, будут достигнуты рациональные и вместе с тем национальные границы, учитывающие перспективы советской национальной политики. Административные границы на Дальнем Востоке, установленные бывшей императорской Россией «без всякого экономического смысла и учета интересов малых народностей» будут, таким образом, исправлены. Руководство приблизится к экономике и населению туземных районов. Произойдет подъем экономики и культуры в туземных районах²¹.

Несмотря на такую, с позволения сказать, аргументацию, эти округа (конечно, не в том виде), но были созданы. Что же получилось в итоге? Малочисленные народности Севера были выделены в самостоятельные нацио-

нальные административно-территориальные единицы — округа и районы. Официальная точка зрения, высказывающая как одно из важнейших достижений их создания — освобождение этих народностей от торгово-посреднического капитала. В Восточной Сибири были созданы Таймырский и Эвенкийский национальные округа, Витимо-Олекминский, Туруханский и Хатангский районы. В Бурят-Монгольской автономной республике — Баянговский и Северобайкальский районы. Площадь всех туземных районов советского Севера, включавшая в себя территории Восточной Сибири, Ленинградской области, Северного края, Области Коми, Уральской области, Западной Сибири, Дальневосточного края, составила 8 млн км². На этой громадной территории проживало всего около 1 млн чел., из них представители малочисленных народностей составляли только 160 тыс. чел.²² Ни одно из государств XX в. вот таким образом не решало вопросы административно-территориального деления и национально-государственного строительства. Такой опыт действительно уникален.

В заключении кратко остановимся на таком немаловажном аспекте рассмотренной проблемы, как оценка будущего Сибири в связи с проектами и проведенным районированием этой громадной территории. Мы не будем касаться многочисленных экономических выкладок, представленных на страницах журнала. Это, кстати, может стать предметом специальной статьи в отдельной статье.

Сопоставим взгляды по этой проблеме двух видных деятелей Союза ССР тех лет, выступивших на страницах «Северной Азии»: Льва Давидовича Троцкого и Глеба Максимилиановича Кржижановского. Троцкий выступил на вечере сибиряков 28 февраля 1927 г. Это выступление стало основой статьи «О Сибири», опубликованной в книге третьей журнала за 1927 г. Политическая звезда Троцкого к этому времени уже закатывалась. Не случайно один из отечественных биографов Троцкого Н.А. Васецкий назвал этот период его деятельности коротко: «Поражение»²³. Однако, ни он, ни другие авторы, исследователи биографии Л.Д. Троцкого не только не анализируют, но даже и не упоминают этой его статьи, посвященной Сибири. Не касаясь общей оценки оппозиционной, государственной, политической деятельности «Революционера № 2» в России/СССР, его идейных взглядов следует отметить, что многие положения подходов Троцкого к проблеме Сибири, которую он познал по непродолжительному периоду ссылки²⁴, следует признать не утратившими интерес и в настоящее время.

Л.Д. Троцкий начал свою статью положением о том, что «Сибирь резюмирует не только свою собственную, не только историю бывшей царской России, но и мировую историю». Сибирь, по мнению Троцкого, есть увеличительное зеркало наших общерусских противоречий.

Каков же выход из этих противоречий предлагает Троцкий для Сибири? Выход для Сибири он видел, «в первую голову», в экспорте «неисчислимого сибирского сырья; леса, хлеба, ископаемых, животных (диких и домашних), рыбы и производимых из них продуктов». Тем же,

кто говорил о том, что сибирское сырье надо вывозить позкономнее, Троцкий отвечал в этой статье: «В корне ложная постановка вопроса!». Сибирь не должна уподобляться «собаке на сене», поскольку в ближайшее пятилетие не сможет проглотить не более 10% продукции своего сельского хозяйства и добывающих промыслов. А «основная линия для Сибири» должна была заключаться в следующем: индустриализация, направленная на транспорт — подъездные пути, шоссе, железные дороги, каналы, на создание элеваторов, холодильников, мельниц, маслодельных, сыроваренных, консервных, беконных и прочих заводов. Сибирь «во все возрастающем количестве» должна была вывозить бекон в Англию, который очень любили когда-то ненавистные Троцкому британские империалисты.

Сибирь являлась «глубоким тылом» Советского Союза. Но ось мирового хозяйства смещалась в сторону Америки. Здесь, как и в том, что в будущем будет возрастать перевес Соединенных Штатов над Европой, Троцкий оказался прав. Какой же вывод, по Троцкому, следовал из этого факта? История ближайших 10–20 лет может скомандовать: «Налево кругом!». Фронт — против Тихого океана. А Сибирь только панцирем интернационализма может оградить себя от великих опасностей, которые угрожают со стороны Тихого океана. Поэтому, заканчивал статью Троцкий, мы говорим трудящимся Советского Союза и в первую голову трудящимся Сибири: «Глаза на Шанхай! Там решается сейчас добрая доля вашей судьбы!»²⁵.

Как видим, Л.Д. Троцкий по существу не изменил своим идеям «мировой революции» и индустриализации страны, направленной на усиление аграрного экспорта. Сибирь как часть мировой истории в международном распределении труда должна была играть роль поставщика аграрной продукции развитым капиталистическим странам (Великобритания, США). А само развитие Сибири не мыслилось им без перенесения революции и ее победы на Востоке, в Китае. Только так, а не за счет увеличения собственного потенциала Сибирь могла обезопасить себя от «великих опасностей». Конечно, в Сибири за послевоенные годы была создана развитая индустрия. Но не поставщиком ли продукции, только не аграрной, а нефти и газа более развитым странам Запада и Востока, выступает Сибирь в начале XXI в.? Не закрепится ли именно такое ее место в современной геополитической картине мира? И, может быть, не намного ошибался с известными оговорками потерпевший поражение как политик Троцкий?

Сопоставим видение Троцким будущего Сибири со взглядами видного общественного и хозяйственного деятеля того периода Г.М. Кржижановского, также изложенными на страницах последнего номера журнала «Северная Азия». Известный как председатель Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО, 1920), первый председатель Госплана (1921–1930), в 1929–1930 гг., то есть на момент выступления в журнале «Северная Азия», Кржижановский был еще и вице-президентом Академии Наук Союза ССР²⁶.

Никаких грандиозных планов относительно распространения мировой революции на восток через Сибирь. Вполне реальные прагматичные предложения. Основные его предложения касались вопросов экономического развития Сибири. По мнению Г.М. Кржижановского, «все строительство в Сибири — это борьба с пространством». Главное для развития Сибири состояло в развитии «колоссального железнодорожного строительства». Приступая к большому строительству, производился «нажим в Сибири на тяжелую индустрию, на развитие энергетических баз». Наряду с этим, необходимо было продумать вопрос и о культурно-энергетической сети. Все это имеет для Сибири «вопрос особо важного порядка». Чрезвычайно актуально для сегодняшнего дня звучит положение Г.М. Кржижановского о том, что вопрос об ископаемых богатствах Сибири и об утилизации этих богатств, «это даже не вопрос СССР, а вопрос мирового порядка»²⁷. Именно в этом ученый видел перспективу развития Сибири, именно здесь пролегли позиции мировой борьбы. В сегодняшних условиях, когда речь идет о возможности не только доступа, но и контроля транснациональных корпораций за природными богатствами Сибири, от чего, без преувеличения, зависит судьба России, территориальной целостности и международной правосубъектности, это положение звучит актуальным предостережением потомкам.

Необходимо отметить, что преемник «Северной Азии» журнал «Советская Азия» постепенно, но недвусмысленно сместил основные акценты в освещении большинства обсуждаемых проблем. Практически исчезло обсуждение вопросов жизнедеятельности малочисленных народов Севера. Гораздо меньше стало вопросов, посвященных районированию территорий. Многократно возросло количество публикаций об индустриальном развитии Урало-Кузнецкого региона, и особенно республик Средней Азии.

Таким образом, журнал «Северная Азия» занимает свое особое место в палитре отечественных изданий 1920-х гг. На его страницах нашли отражение вопросы, вызывающие интерес на каждом новом витке исторического развития. Для специалистов в области гражданской и экономической истории, истории государства и права, экономической и исторической географии, регионоведения и др. отраслей социального знания публикации журнала содержат богатый материал. Мы видим, как на протяжении короткого периода изменились понятия «Сибирь», «Дальний Восток», «Туркестанский край», «Средняя Азия». Очевидно, что обсуждение актуальных для того периода проблем районирования было весьма плодотворным, и, несмотря на то, что фактическое районирование пошло во многом не так, как первоначально предусматривалось, важность этой темы не утратила своего значения и сегодня. И не исключено, что некоторые из высказанных тогда положений могут быть востребованы в близкой или среднесрочной перспективе.

Совершенно очевидно, что самыми нежизнеспособными оказались искусственно созданные национальные округа на севере РСФСР. Во гла-

ву угла тогда был поставлен вопрос об освобождении их от «эксплуаторского торгово-посреднического капитала» и сохранение самобытных черт. Первый довод был недвусмысленно классово-идеологическим, а второй — сугубо академическим. Здесь не присутствовало ни экономических, ни финансовых расчетов, не учитывалось соотношение численности населения и территории, ни других базовых характеристик. Это был социальный проект, лишенный прочной основы. Мировая практика знает множество вариантов сохранения самобытности автохтонных этносов в рамках мощных административно-экономических единиц. Но не такого решения, как в РСФСР в тот период. Не случайно, что объективно назревший процесс укрупнения регионов в современной России начался именно с объединения этих искусственно созданных территориальных гигантов, в которых титульный этнос занимает небольшой процент населения, с экономически более мощными регионами.

Не исключено, что на каком-то этапе может вновь возникнуть вопрос о создании нового подобия обсуждавшейся тогда Лено-Байкальской области (края). Не потеряли своей остроты и вопросы о месте и роли Сибири в геэкономической и геополитической конфигурации современной северо-восточной Азии и мира в целом. Размышляя над обсуждаемыми в журнале «Северная Азия» проблемами еще раз убеждаешься в том, что история как система знаний может быть хорошим учителем, но, к сожалению, не все «вошедшие во власть» оказались способны усвоить эти знания, а тем более их реализовать.

Примечания:

¹ Здобнов Н. Современное состояние и задачи урало-сибирской библиографии // Северная Азия. М., 1925. Кн. 1–2. С. 114.

² Виленский-Сибиряков Вл. Задачи изучения Северной Азии // Там же. С. 7–8.

³ Черемных И.А. Современное состояние сельского хозяйства в Сибири // Там же. С. 44–45.

⁴ В президиуме ВЦИК. Образование Сибирского края // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 102.

⁵ Попов В.Л. Географический очерк Сибири в связи с проблемой ее дальнейшего изучения // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 97.

⁶ Красильников М.П. Население Урала и Северной Азии (Из итогов Всесоюзной переписи 1926 г.) // Северная Азия. 1929. Кн. 3. С. 55.

⁷ Попов В.Л. Историческая пятилетка Северной Азии (Экономико-географический очерк) // Северная Азия. 1929. Кн. 4. С. 5–6.

⁸ Козьмин Н.Н. Бурят-Монгольская республика-область (Доклад председателя секции по районированию при Госплане БМ АССР Республики). Иркутск, 1924. Отдельный оттиск Известий ВСОРГО. С. 4, 12.

⁹ Миротворцев К.Н. К вопросу о районировании Сибири (Лено-Байкальская область). Иркутск, 1924. Отдельный оттиск Известий ВСОРГО. С. 5, 35.

¹⁰ Сперанский Б.Д. Административное построение области-края и национальная автономия. К вопросу об образовании Лено-Байкальского края. Иркутск, 1925. С. 11–12, 14–15.

¹¹ Казарин В.Н. Как могла быть устроена Восточная Сибирь в 1920-е гг.: К истории одной научной дискуссии // Известия ИГЭА. Иркутск, 2004. № 1; Он же. Административно-территориальное и национальное деление Восточной Сибири в 1920-е гг.: теоретические подходы и реализация в политике // Правовое развитие Сибири в рамках реализации внутренней и внешней политики РФ: региональное правотворчество и правоприменение: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2004.

¹² СССР по районам. Дальневосточная область / сост. Н.Б. Архипов. М.; Л., 1926. С. 160–161.

¹³ Архипов Н.Б. Дальневосточный край. 2-е изд. М.; Л., 1929. С. 148.

¹⁴ Виленский-Сибиряков Вл. Советская реформа в Северной Азии // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 6.

¹⁵ Черкунов А.Н. К вопросу о районировании Средней Сибири (Лено-Байкальская область) // Северная Азия. 1926. Кн. 1. С. 7–8.

¹⁶ Черкунов А.Н. Указ. соч. С. 11–12, 27.

¹⁷ Колосовский Н. К вопросу о создании Ленско-Байкальского краевого образования // Северная Азия. 1926. Кн. 1. С. 91–92.

¹⁸ Попов В.Л. Экономическое районирование Сибири (Экономико-географический очерк) // Северная Азия. 1927. Кн. 3. С. 31, 36.

¹⁹ Попов В.Л. Перспективы и проекты транспорта Сибири (Экономико-географический очерк) // Северная Азия. 1928. Кн. 5–6. С. 18–20.

²⁰ Соколов М.П. Значение Средне-Сибирского колониционного района // Северная Азия. 1928. Кн. 5–6. С. 50–52.

²¹ Шипихин В. К созданию национально-туземных округов // Северная Азия. 1929. Кн. 5–6. С. 112, 126.

²² Форсировать народнохозяйственное развитие Крайнего Севера // Советская Азия. 1931. Кн. 9–10. С. 189.

²³ См.: Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992. Гл. Поражение.

²⁴ См., например: Иванов А.А. Лев Бронштейн в сибирской ссылке // Сибирская ссылка: сб. науч. тр. Иркутск, 2000. Вып. 1 (13).

²⁵ Троцкий Л.Д. О Сибири // Северная Азия. 1927. Кн. 3. С. 9–10, 14, 17.

²⁶ Пархоменко А.А. Кржижановский Глеб Максимилианович // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 13. Стб. 1242–1243.

²⁷ Кржижановский Г.М. Основные проблемы Сибири // Северная Азия. 1930. Кн. 1–2. С. 8–10.

В.Г. КИЧЕЕВ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЧЕРНОСОТЕННО-МОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В начале XX в. в России разразился острейший политический, социально-экономический и национальный кризис. Стремление царизма решить внутренние проблемы за счет «маленькой победоносной войны» привело не только к поражению в русско-японской войне, но и к социальному катаклизму — революции 1905–1907 гг.